

1. ЭПИЗОД ВОЙНЫ

— Мы живы и будем продолжать бить врага! — торжественно сказал Ковпак. — Но выхода нам нет, кроме как прорвать кольцо через штаб немцев. Через Делятин, — решил командир.

Наступила кромешная тьма лесной ночи. Немцы на вершинах гор успокоились, уверенные, что партизаны «в мешке» и утром их можно уничтожить. Колонна бойцов ударной группы тихо шла длинной цепочкой вслед за разведкой.

И вдруг шепотом на ходу по боевым порядкам стали передавать потрясающую и ободрившую всех новость. Радист Вася Мошин принял важное сообщение. Красная Армия на Курской дуге прорвала фронт. Ворвалась в Орел.

Главный разведчик ковпаковцев Вершигора, который возглавлял ударную группу, в своих воспоминаниях потом отмечал: «В ту ночь суждено нам было еще раз почувствовать и запомнить на всю жизнь, что значит быть членом советского коллектива, сыном великой, непобедимой страны».

Этим сыном был и красноуралец П. З. Толмачев. Он

вместе с другими партизанами спускался по овечьим тропам Карпат в долину.

— На Делятин, где находился штаб по уничтожению партизан, мы наступали вместе с перешедшей в контрнаступление армией Советской страны, — с понятной гордостью говорит Навел Захарович.

Задачи всем партизанам поставили четкие. Один батальон должен захватить железнодорожную станцию. Несколько рот нацелены на ликвидацию штаба генерала Кригера. Но главная цель — захватить мост через Прут и удержать его, пока не выйдет из окружения весь отряд.

К мосту наши поспели раньше немцев. А вот Кригер на несколько минут опередил всех. Как выяснилось позднее у плениного переводчика: командующий выиграл эту минуту, заскочив в броневичок в парадном мундире, но без верхних штанов. Удивлению немецкого генерала не было конца, его переводчик пересказал Вершигоре на допросе такую речь (она записана в книге «Люди с чистой совестью»):

— Это невозможно понять! Прорваться в тыл врага! За тысячу километров от своей ар-

ЗАПИСКИ

ми! Второй месяц, как я зажал их в горах. В горах! И до сих пор не имею ни одного пленного. Черт возьми!

— Черт нас не брал, — шутит П. З. Толмачев, и тут же его лицо становится суровым. — Но ковпаковцам в то время было очень трудно. Казалось, находимся в безнадежном положении. Кончилось пропитание, искали ягоды, грибы, 1300 километров на юго-запад от Курской дуги, 12 окружений, постоянные бомбежки. И все же разведка действовала, добывала нужные сведения. И вот нашли выход — прорыв через вражеский центр, где такой хитрости и дерзости, конечно, не ожидали. Мы тогда уничтожили более 500 фашистов, много техники.

Это только один эпизод из Карпатского рейда. А были еще рейды на Украине, в Польшу, по Западной Белоруссии, Неманский рейд под Восточную Пруссию. Партизаны ссыпали панику среди оккупантов, мстили за слезы нашего народа, за вдов и сирот, за смерть това-

ПАРТИЗАНЫ

рицей. Был долгий путь в 10 тысяч километров по тылам.

Главное, — подчеркнул Павел Захарович, — это рейды еще больше укрепили уверенность в возможности активной вооруженной борьбы с врагом в любых условиях: в лесу, в горах, в степи.

2. НАХОДЧИВЫЙ И СМЕЛЫЙ

Дрался с ненавистным врагом Павел Захарович отчаянно. 20 мая 1944 года он награжден медалью «Партизану Отечественной войны» II степени. 1 октября 1944 года его ратный подвиг отмечен орденом Отечественной войны I степени.

На личном счету отважного партизана много разных лея. Но главное для каждого участника похода, для каждого участника боя — это коллективная победа. В фондах архива Комиссии по истории Отечественной войны Академии наук

УССР, например, есть документ, в котором отражено: рейд ковпаковцев из Украинского Полесья в Станиславскую область (сейчас Ивано-Франковская), к границам Чехословакии был «самым выдающимся из всех рейдов, которые осуществлялись партизанами». В этом рейде, в котором участвовал и Павел Захарович, проходя по тылам врага более 2000 километров, ковпаковцы тогда отвлекли на себя до трех дивизий противника, вывели из строя более 3800 вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 19 железнодорожных эшелонов, взорвали 82 шоссейных и железнодорожных моста, разгромили десятки складов, узлов связи и промышленных объектов.

— Так мы и воевали, — скромно, но с гордостью за товарищей, говорит Павел Захарович. — В документе все правильно сказано.

А вот документ и на него самого. Написал начальник штаба разведки Войцехович: «Характеристика на командира взвода разведки 1-й Украин-

ской партизанской дивизии имени дважды Героя Советского Союза генерал-майора С. А. Ковпака ТОЛМАЧЕВА ПАВЛА ЗАХАРОВИЧА, 1920 года рождения, уроженца Свердловской области, Красноуральский район, п. Чирок. За время пребывания в дивизии с 14. 2. 1942 года по 1. XII. 1944 года проявил себя исключительно с положительной стороны, дисциплинированный, находчивый, смелый, среди бойцов пользовался большим авторитетом, прошел с боями по тылам врага Украину, Белоруссию, Польшу». Далее начальник штаба указывает, что пани земляк брал немецких «языков», участвовал в диверсиях, во взятии ряда населенных пунктов.

Он и после победного Салюта был на опасном боевом участке — «по ликвидации фашистских прихвостней». И опять документ. В тот период в 1945 году, как написал в характеристике командир кавалерийского отдельного дивизиона по борьбе с бандами бандеровцев: «Тов. Толмачев показал себя как

стойкий командир эскадрона дисциплинированный, примерный командир, отважный и смелый в боях за дело партии и Советской Родины».

К слову будет сказано, что в этом эскадроне с ним были и жена Вера Игнатьевна. Выполняя опасные задания, вместе с мужем она проявила большую верность Родине.

Неслегкая жизнь, за плечами у коммуниста П. З. Толмачева. Мужественный, небезразличный к нашим сегодняшним проблемам, беспокойный за мир до боли в сердце, он прошел по ней трудными дорогами.

В одном из своих воспоминаний П. З. Толмачев записал: «В жестокой войне с коричневой чумой, не жалея жизни и здоровья, я отстаивал то, что завоевали наши родители в революции, а затем восстанавливал разрушенное народное хозяйство».

А. АЛТУХОВ

• Со следующего номера мы начнем печатать в газете воспоминания партизан-ковпаковца, инвалида Великой Отечественной войны П. З. Толмачева.

На снимке: П. З. Толмачев.

Фото К. ХИСАЕВА

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА

3. НАЧАЛО

Много книг написано о войне, много фильмов снято. Вот и на телеэкране мы опять смотрели несколько серий на тему, которая не дает ранам зажить — «В лесах под Ковелем». Эти три серии о жизни партизан, которая мне близка, об отряде Федорова, в котором не раз бывал. Везде все правильно говорится и показывается, а сердце болит за те кровоточащие страдания, которые вынесла наша Родина, и невозможно описать словами то, что произошло в самом начале.

Я на себе ощущил и испытал, что такое утро 22 июня 1941 года. Это было ужасное, страшное утро для солдат на русско-польской границе. По нашей заставе немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия. И смерть была, и страх, и отчаяние. Но была и нас и ярость.

Война началась в особо выгодных для агрессора условиях. Для объективной оценки положения надо все-таки напомнить, почему мы кровавыми волнами катились на воссток. Враг располагал отмобилизованной армией, насыщенной танками, самолетами, минометами, пехотным автоматическим оружием. Немецко-фашистские войска были хорошо моторизованы и поэтому обладали высокой маневренностью, за два года войны в Европе у гитлеровского командования накопился опыт современной войны. Важным преимуществом врага была внезапность бандитского нападения на СССР.

Я все это видел своими глазами. Мы на границе вели тяжелые бои, но соотношение сил было слишком неравным.

Грозная опасность нависла над любой Родиной, а мы все дальше отходили на воссток, оставляя за собой города

ла в бою или на отдыхе, ведь в разведке или в походной заставе ты часто впереди, в отрыве от основного отряда и его действий. И по хронологии, конечно, все не восстановить — столько времени прошло, а дневники мы не вели. Но всегда останется в памяти героический подвиг моих товарищей.

4. БОЙ НА ПРИПЯТИ

Эта река кипризная, характер у Припяти (правый приток Днепра) — своеобразный. Иногда даже в сильные морозы не замерзает, тант в себе полыньи. Но так уж нам выпадало по обстановке, что пришлось форсировать ее несколько раз. И всегда, когда разведчики брали проводников, те мотали головами:

— Трудное дело.

Пройдут разведчики на тот берег — крепкий лед, возвращаются чуть в стороне — проваливаются, чуть не тонут.

Раз на Припяти, чтобы переправиться с пушками и повозками на другой берег, уйти из немецкой ловушки, за ночь навели мост длиной в 240 метров. Около полутора тысяч бойцов и командиров работали по пояс в холодной воде, стаскивая бревна в реку и связывая их проволокой в плоты.

Партизанские батальоны со всем своим обозом успели переправиться. Но бой все равно состоялся, только уже мы опрокинули противника, а не он загнал нас в «мокрый мешок». Немцы потеряли на Припяти не меньше тысячи человек убитыми, восемь танков и три бронемашины.

И еще помнится одна встреча с Припятью. Наши дальние разведчики, посланные вперед по реке, сообщили, что оккупанты готовятся к откры-

Гукали бронебойки, воркотали над рекой и песками длинные очереди пулеметов.

Кульбака был опытный командир, он участвовал еще в войне с белофиннами. В Сумской области работал в потребкооперации, а в начале войны получил партийное задание организовать партизанский отряд и действовал самостоятельно, а потом объединился с Ковпаком.

Еще тогда его батальон хорошо был оснащен станковыми пулеметами. Кульбака отлично натренировал расчеты, приспособил «максимы» к партизанской борьбе. Его батальон всегда ставили там, где ожидали наибольший нажим. И сейчас он выставил крепкий заслон возле дамбы. Бой там шел горячий, а Ковпак еще бросил подруги с орудиями.

Так провалилась у немцев пробная навигация на линии Мозырь — Киев. Был потоплен германский пароход «Надежда» и несколько барж.

Немцы попытались нас отогнать от реки, но партизаны и ту проявили хитрость.

Военная флотилия шла быстро, беспорядочно обстреливая берега из пулеметов и пушек. Не имея специальных мин для подрыва речных судов, наши товарищи ввели в действие все свои огневые средства: пулеметы, противотанковые ружья, артиллерию.

Но ударили не сразу, а пропускали мимо позиций, чтобы вернее им отрезать пути отхода. Третья рота, пятая, восьмая и партизаны из других подразделений все усиливали свой кинжалный огонь. Даже на лодках осмеливались подплывать к вражеским катерам.

Бой длился несколько часов. Пойманные в огневой мешок суда упорно сопротивлялись, пока к вечеру все дотохнули бы-

все дальше отходили на восток, оставляя за собой города и беззащитных людей на истязания, не успев даже похоронить товарищев. В августе меня ранило, а после госпиталя в свою часть не попал — ее просто уже не существовало. Через месяц после излечения на другом фронте опять отходили с боями. Второе тяжелое ранение. Через несколько месяцев, после выписки из госпиталя вновь не нахожу своего полка — весь уничтожен. Как горько шутили потом новые товарищи по оружию: «За боевые заслуги некого было награждать».

Преодоление отчаяния, со знание собственной правоты и вера в победу, жажды мести звали в бой. В начале 1942 года нас, группу фронтовиков, забросили в тыл врага.

Партизанское движение явилось одним из ярчайших проявлений пламенного патриотизма советских людей. Стремительно разгоравшееся пламя войны приводило в трепет оккупантов, наносило им огромный ущерб.

Мы оказались в районе партизанских отрядов С. А. Ковпака. Я часто встречался с ним, и Сидор Артемович как-то сказал:

— Борьба в тылу настолько эффективна, что даже Сталин при встрече в Кремле с партизанскими командирами назвал ее «наш второй фронт». На союзников рассчитывать особенно не приходится. Один фронт у нас на Волге, а второй, партизанский, будет на Днепре.

Это как раз был момент, когда ковпаковцы совершали свой первый большой рейд, как и просил Главнокомандующий, «на правый берег Днепра». А потом уже были Карпаты. Мы чувствовали, что приближаются дни коренного перелома в ходе войны и сил своих, жизней не жалели, чтоб быстрее сломить хребет варварам.

... В стремительном беге времени новые события застилают прошлое — многое забывается, выветривается из памяти. И я, понятно, многие детали не помню, о некоторых фактах просто не знаю, когда дивизия бы-

вперед по реке, сообщали, что оккупанты готовятся к открытию навигации. Изучая карту, Ковпак с комиссаром Рудневым поняли задумку немцев:

— Мосты в этом районе взорваны, сообщение на важнейшей железнодорожной магистрали прервано, а по Припяти идет водный путь в Германию.

Партизаны расположились на обоих берегах, в прибрежных селах, пушки спрятали в ложняке.

В середине дня послышалась стрельба. Со стороны Красноселья, занятого батальоном Кульбаки, шквал огня то вспыхивал, то опять затихал.

Пойманные в огневой мешок суда упорно сопротивлялись, но к вечеру вся флотилия была разгромлена. На берег не выбрался ни один немец, кроме тех, кого мы взяли в качестве «языков». Сотни трупов фашистов пошли на дно. Раки в Припяти пировали вовсю. А на свой счет ковпаковцы записали уничтоженными 6 бронекатеров, мотолодки, 5 пароходов, баржи и другие плавучие средства.

П. ТОЛМАЧЕВ,
партизан Великой Отечественной войны.

(Начало в № 144. Продолжение следует.)

На фотопродукции: С. А. Ковпак (в центре), комиссар С. В. Руднев (справа) с партизанами осматривают предстоящего боя.